Надежда Макарова

«Город без церквей»: религиозность в Магнитогорске в 1930-е гг.

Перспективы и польза строительства новых городов на девственной земле, произведенного без помех, создаваемых традициями и предубеждениями прошлого[1], неоднократно отмечались лидерами советского государства. При создании новых городов их ключевой особенностью и главным достоинством, по мнению идеологов культурной революции, было отсутствие исторической памяти, прошлого в любых его проявлениях, в том числе, и в религиозном. Эта особенность должна была способствовать более активному формированию на территории города нового быта и нового типа человека — человека советского.

Строительство Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска началось в рамках индустриализации в 1929 г. в степях Южного Урала. Уже в 1932 г. на градообразующем предприятии был создан завершенный производственный цикл по производству металла. Н. Милютин давая характеристику Магнитогорску отмечал, что это «первый в СССР чисто советский город, где мы не связаны с прошлым, где мы всему миру демонстрируем волю пролетариата к новой общественной жизни»[2]. Процесс строительства Магнитогорска проходил под лозунгом коренной ломки старого быта. При этом в новом городе, как казалось, не было необходимости перестраивать существующие порядки и «ломать» традиции, казалось, их можно было создавать.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть жизнь населения нового индустриального центра сквозь призму религи-

1. *Говард Э.* Города будущего. СПб, 1911. С. 3.
2. *Милютин Н.* Борьба за новый быт и советский урбанизм//Города социализма и социалистическая реконструкция быта. М., 1930. С. 116.

озных проблем, а именно определить какую роль религия играла в жизни магнитогорцев, выявить совершали ли горожане традиционные религиозные обряды, наконец, удалось ли властям искоренить религиозное сознание в Магнитогорске.

Источниковая база исследования опирается на комплекс архивных материалов, выявленных и отобранных в центральных, областных и городских архивах, а также на коллекцию интервью и фотографий, собранных автором в течение 2007-2012 гг. В соответствии с видовой классификацией, нами были выделены следующие виды источников: законодательные акты, делопроизводственная документация, периодическая печать и источники личного происхождения, среди которых — воспоминания, письма и интервью.

К законодательным актам, положенным в основу исследования, относятся, прежде всего, нормативные акты советского государства. Эта группа источников позволяет выявить ключевые направления регулирования государством религиозных вопросов. Делопроизводственные материалы представлены как архивными, так и опубликованными материалами. Организационная и распорядительная документация, текущая переписка учреждений и предприятий, протоколы собраний, учетная, отчетная и контрольная документация, докладные записки, справки и переписка о состоянии антирелигиозной работы в школах, клубах и иных учреждениях города позволяют судить о реализации на местном уровне общегосударственной политики по вопросам религии. Очень информативным и перспективным источником изучения проблем повседневности является периодическая печать[3]. Из газет и журналов можно почерпнуть значительный пласт информации о городской повседневности, в том числе и об отношении к верующим и религии в целом.

3. В процессе работы автор обращалась к значительному числу газет и журналов краевого, городского и союзного значения. Среди них: газеты «Правда» — центральный орган ЦК ВКП (б) и «Пути индустриализации» — орган президиума ВСНХ СССР, журнал «СССР на стройке», профессионально ориентированные журнал «Магнитострой» — орган парткома, постройкома и треста «Магнитострой»; ежедневные городские газеты: «Магнитогорский рабочий» — орган Магнитогорского горкома КПСС и горсовета депутатов трудящихся, «Комсомольская правда» на Магнитострое» — штурмовая газета редакции «Комсомольская правда» на строительстве Магнитогорского комбината и «Магнитогорский комсомолец» — орган Магнитогорского горкома партии; газеты, ориентированные на определенную социальную группу — «Борьба за металл» — газета лишенных свободы и ИТР Магнитогорской Исправительно-трудовой колонии (ИТК), «Горняк» — орган парткома ВКП(б), рудкома и горнорудного управления Магнитостроя, а также газета-штурмовка «За металл».

Крайне важным и интересным источником являются воспоминания старожилов Магнитогорска, как неопубликованные, из коллекции автора и фондов архивов и музеев, так и опубликованные мемуары. Последние представлены двумя группами источников: мемуары участников строительства города и мемуары лиц, в разное время посетивших Магнитогорск. Обе группы мемуаров объединяет тенденция героизации в изложении материала, пафосного описания строительства Металлургического завода. Но в первой группе мемуаров практически не говорится о трудностях и бытовых проблемах, имевших место на строительстве города, в отличие от второй категории мемуаров, указывающих на недостатки и просчеты в организации быта первостроителей. Особо следует отметить мемуары американца Джона Скотта «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали»[4]. Автор работал на различных участках Магнитостроя, жил вместе с рабочими и инженерно-техническими кадрами, учился в Магнитогорском комвузе. Особая ценность этой книги состоит в том, что Дж. Скотт повествует не только о триумфах строительства, но указывает на крайне тяжелую жизнь рабочих, спецпереселенцев, заключенных, иностранцев и привилегии номенклатурных работников. Показывая объективную картину жизни города, автор указывает на значительное число сосланных священнослужителей в Магнитогорске, и крайне негативное отношение к верующим вообще.

Значительный объем информации, собранной редакцией «ИФЗ» в 1935–1936 гг. сохранился в фондах ГАРФа, РГАЛИ и городских музеях. Это воспоминания первостроителей, стахановцев и ударников, неопубликованные рукописи писателей, задействованных в создании «Истории Магнитостроя», а также воспоминания очевидцев строительства металлургического завода и города, собранные писателем Э. Г. Казакевичем, побывавшем в Магнитогорске в конце 1950-х гг. и зафиксировавшем воспоминания и переживания горожан. Описания жизни магнитогорцев начала 1930-х гг. сохранились в неопубликованных рукописях, записных книжках и блокнотах журналистов и писателей, посещавших Магнитогорск в начале 1930-х гг. В перечисленных материалах довольно часто встречаются указания на различные религиозные практики, которые бытовали среди горожан, а также на способы борьбы с религией в Магнитогорске. Проведенные интервью

4. *Скотт Дж.* За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М., Свердловск, 1991.

со старожилами Магнитогорска продемонстрировали, что несмотря на запреты со стороны властей и разнообразные ограничения, семьи респондентов продолжали соблюдать некоторые религиозные обряды.

Обращаясь к проблеме выявления религиозных практик в городе, необходимо проанализировать состав населения города. Социальная структура населения Магнитогорска была довольно разнообразной. Среди жителей Магнитогорска были заключенные, спецпереселенцы, представители различных социальных групп и национальностей.

Пестрый этнический состав магнитогорцев сохранился на протяжении всего периода существования города. Основы национального состава были заложены именно в начале 1930-х гг. По данным А. Зверева, в 1930 г. в Магнитогорске проживали русские (83,7 %), украинцы (6,8 %), татары (2,7 %), белорусы (1,57 %), башкиры (1,37 %), киргизы (1,1 %), нагайбаки (0,5 %), мордва и «прочие национальности» (0,5 %)[5]. К 1 июня 1932 г. численность русского населения возросла и составила 91,7 %[6] [Таблица 1]. Такой пестрый национальный состав наложил отпечаток на повседневные практики горожан (взаимообогащение культурными традициями, приготовление пищи, песни и т. п.). Из таблицы видно, что русское население на протяжении изучаемого периода оставалось преобладающим, хотя численность его незначительно менялась. На втором месте оставались украинцы, далее шли татары. Остальные национальности составляли незначительную долю от общего числа жителей города. На протяжении рассматриваемого периода в Магнитогорске проживали иностранцы — рабочие из Германии, США, Польши, Литвы. В 1931 г. представители этих национальностей составляли не более 0,5 % от общего числа горожан. Подобный этнический состав в общем виде определил и соотношение конфессий на территории Магнитогорска. Большая часть верующих придерживалась православия. Второй конфессией по числу приверженцев являлся ислам. Однако гегемония названных религий не исключала наличия на территории города католицизма и протестантизма, привнесенных иностранцами[7], а также разнообразных сект. Сре-

5. *Зверев А.* На стройке гиганта. М., 1931. С. 70.

6. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 7.

7. Иностранная колония на территории Магнитогорска существовала на протяжении 1930-х гг. Ее численность определить достаточно сложно, т. к. строгий учет

ди последних в городе преобладали баптисты и адвентисты седьмого дня.

Несомненно, разнообразная культурно-историческая база, образ жизни, ментальные установки и традиции осложняли взаимоотношения среди магнитогорцев и влекли за собой возникновение конфликтных ситуаций. Архивные данные и свидетельства очевидцев говорят о наличии конфликтов среди горожан, в том числе и на национальной почве. Однако они случались довольно редко. В целом люди разных национальностей жили вместе в общих и комнатных бараках, работали в одной бригаде и т. д. Причинами конфликтов могли выступать явления, лежавшие в бытовой плоскости. В частности, многие рабочие из национальных меньшинств, прибывшие на строительство Магнитогорска, не умели пользоваться мылом и туалетом и отказывались даже зимой носить телогрейки и ватные брюки, предпочитая национальную одежду[8]. Это вызывало у остальной массы рабочих «насмешки»[9]. Недовольство формировалось непосредственно на производстве. Так, смешанные по национальному признаку бригады землекопов, не могли давать положенные нормы выработки из-за того, что многие представители национальных меньшинств просто не умели копать землю, «они никогда в жизни не держали лопаты в руках»[10]. Ведение традиционного хозяйства, в частности, приготовление национальной пищи, также вызывало конфликты[11]. Неоднократно представителей национальных меньшинств избивали, издевались над ними, обходили при выдаче премий, промтоваров, одежды[12], при обслуживании в медицинских учреждениях[13]. Например, на 9-м строительном участке «техник Фомин и десятник Чернов избили нацменрабочего. На горе Ай-Дарлы нацменбригада подралась с русской бригадой

отсутствовал. Однако в архиве Магнитогорска сохранился фонд личных дел иностранных специалистов и рабочих, в нем насчитывается 777 дел. При этом мы располагаем сведениями о том, что личные дела составлялись не на всех иностранных граждан, проживавших в Магнитогорске. Одним из таких исключений оказался американский рабочий Дж. Скотт.

8. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 309. Л. 42, 42а.
9. Там же.
10. Там же. Л. 42 а.
11. ОГАЧО. Ф. П-783. Оп. 1. Д. 97. Л. 2.
12. *Зверев А.* Указ. соч. С. 90.
13. МУ МГА. Ф. 121. Оп. 2. Д. 16. Л. 11.

“Красный партизан”»[14]; нацмен-рабочего Сагадеева, установившего мировой рекорд по кладке бетона, избили, а лучший ударник комсомолец Величко был убит[15].

Местное руководство рассматривало данные события как проявления извращений национальной политики советской власти и вылазок классового врага, однако, мы считаем, что причины конфликтов лежат в различном восприятии происходящего и различными мироощущении разных групп рабочих, а также — в бытовой плоскости. Подтверждением этого могут служить факты избиения русских рабочих представителями национальных меньшинств. По словам самих рабочих, «русские рабочие сперва насмехались над ними. Национальной розни не было. Были отдельные случаи, что травили отдельных нацмен...»[16]. Вызывали непонимание в Магнитогорске и случаи многоженства в среде мусульман. В воспоминаниях участника строительства Колбина содержится информация о том, что «они [мусульмане], когда сюда приехали к нам, еще с собой по несколько жен привезли»[17]. Многонациональный состав в Магнитогорске вызывал определенные трудности, однако считать их превалирующими во взаимоотношениях горожан нельзя.

Таблица 1. Национальный состав города Магнитогорска[18]

	1930 (%)	1931 (%)	1932 (%)
русские	83,7	83,4	91,7
украинцы	6,8	8,1	3,2
татары	2,7	2,8	-
белорусы	1,57	1,2	-
башкиры	1,37	1,6	1,3

14. *Зверев А.* Указ. соч. С. 90.
15. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 7.
16. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 302. Л. 45.
17. Там же. Д. 309. Л. 47.
18. Составлено по: МУ МГА. Ф. 9. Оп. 1, Ф. 16. Оп. 1. Прочерк — отсутствуют точные сведения.

	1930 (%)	1931 (%)	1932 (%)
киргизы	1,1	0.2	-
нагайбаки	0,5	0,3	0,6
мордва		1,4	-
чуваши		0,4	
поляки	0,5	0,2	2,95
немцы		0,3	
американцы			
латыши			
другие			

Половозрастной состав населения Магнитогорска характеризовался преобладанием молодежи. А. Зверев, ссылаясь на материалы переписи населения Магнитогорска, отметил, что из общего числа рабочих молодежь в возрасте от 17 до 24 лет составляла 51,2 %[19]. Это нельзя назвать подавляющим большинством, однако среди магнитогорцев значительное число составляли люди в возрасте от 24 до 33 лет. Меньшую часть магнитогорцев составляли зрелые и пожилые люди.

Данные возрастные параметры характерны для магнитогорцев, занятых в разнообразных сферах деятельности. Например, в 1931 г. инженеры в возрасте от 40 до 50 лет составляли только 26 %, от 30 до 40 лет — 33 %, от 20 до 30 лет — 41 %[20]. Подавляющее большинство культработников, прибывавших в Магнитогорск по спецдоговорам, были моложе 30 лет. Из них 31 % составляли специалисты в возрасте до 23 лет, 69 % — от 24 до 30 лет[21]. Возраст учителей в городе в течение 1930–1932 гг. ко-

19. *Зверев А.* Указ. соч. С. 70.

20. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 16.

21. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 82.

лебался от 15 до 20 лет[22]. Уже в 1930 г. из деревень и других городов к рабочим стали приезжать жены и дети, в результате чего число несовершеннолетних в городе увеличивалось с каждым годом. Молодежь, дети и подростки несомненно легче поддаются влиянию, именно поэтому среди этих категорий магнитогорцев антирелигиозная работа проводилась наиболее активно. Однако не все представители молодежи охотно отказывались от веры. Роль семейных традиций, старшего поколения, а также социальное происхождение оказывали в некоторых случаях определяющее воздействие на формирование мировоззрения и отношения к религии.

Таблица 2. Социальный состав населения города[23]

	1930 (%)	1931 (%)	1935 (%)	1938 (%)
рабочие	65,99	67,2	58,7	59,9
служащие	22,7	15,9	21,3	18,6
пенсионеры	0,29	0,4	0,49	0,57
учащиеся	11,02	6,4	19,5	18,25
МОП (младший обслуживающий персонал)		10		2,6
иные		0,05		0,08

Социальный состав населения Магнитогорска и соотношение различных социальных групп демонстрируют данные таблицы 2[24].

22. МУ МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 1. Л. 8.

23. Составлено по: МУ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1-28. МОП и категория «иные» в 1930 г. и 1935 г. включены в группу служащих.

24. Категория пенсионеров в городе была не многочисленна, но разнообразна по виду пенсионного обеспечения. Так, на территории Магнитостроя были пенсионеры по возрасту, пенсионеры — ветераны Гражданской войны, участники революции и старые большевики. Все эти категории пенсионеров получали пенсионное обеспечение и обладали дополнительными привилегиями в сфере снабжения. Инвалиды, число которых в связи со значительным числом травм на производстве и в строительстве не сокращалось, использовались в работе артелей по производству товаров широкого потребления. Несмотря на то, что в городе шло

Преобладание в городе рабочих на протяжение рассматриваемого периода являлось вполне закономерным явлением. Несмотря на снижение процента рабочих в городе с 1930 г. по 1935 г. на 7,29 %, данная социальная группа по-прежнему оставалась доминирующей. Ее сокращение от общего числа горожан объяснялось увеличением числа детей и подростков, а также сохранением необходимого числа служащих. При этом основную долю самодеятельного населения[25] города составляли рабочие и служащие, что в целом было характерно для всего Советского Союза[26].

Эти тенденции сохранились и во второй половине 1930-х гг. Так, в 1938 г. рабочие в Магнитогорске по-прежнему составляли большинство (59,9 %), служащие были представлены стабильно около 1/3 части от числа рабочих. Однако большинство рабочих в недавнем прошлом были жителями деревень, для которых религиозная составляющая жизни всегда была значимой.

Заключенные магнитогорской исправительно-трудовой колонии (ИТК) и спецпереселенцы[27] составляли весомую часть населения Магнитогорска в рассматриваемый период. Тезис В.Н. Кучера о том, что «неприемлемо мнение об участие уголовников в строительстве Магнитки» абсолютно бездоказателен. Так, в 1932 г. население города составляло 205 тыс. чел., из них заключенных и спецпереселенцев — 50 тыс. чел. или 24,3 %[28]. Естественно, что эти данные носят довольно приблизительный характер, т.к. численность этих категорий населения колебалась довольно сильно. В частности, в ноябре 1932 г. в ИТК содержалось 6 000 человек, но в середине декабря 1932 г. их численность возросла примерно до 13 000 человек[29].

Чаще всего религию связывали с женами и матерями рабочих, и со спецпереселенцами:

масштабное строительство и рабочие руки нужны были повсюду, в городе имелись безработные. Число горожан, которые по разным причинам не работали, к сожалению, не отражено в архивных документах. Скорее всего, безработных в городе было немного. Таким образом, можно говорить о наличие в Магнитогорске естественной безработицы.

25. Самодеятельное население — население, имеющее постоянный источник дохода (заработную плату).

26. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 57.

27. Термин «спецпереселенцы» использовался до 1934 г. Позже в 1934–1944 гг. их именовали трудпоселенцами, а с марта 1944 — вновь спецпереселенцами.

28. Рассчитано по: АЗАГС; МУ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

29. За нового человека. 1934. 16 января.

> После раскулачивания, ликвидации кулака как класса, прислали к нам кулаков, спецпереселенцев. До этого было ничего. После этого началось брожение среди рабочих, т. к. приехала сюда часть попов и дьяконов. Они старались устраивать подпольные молебны, подпольные службы[30].

Действительно, «спецкадры» на Магнитострое появились уже в 1930 г. Начиная с 1931 г., поток спецпереселенцев значительно усилился. В 1932 г. при Главном Управлении Магнитостроя числилось 40 000 человек[31]. Общая численность спецпереселенцев на Урале также была велика. В 1932 г. в регионе состояло на учете 484 380 спецпереселенцев[32], которые были закреплены за леспромхозами, предприятиями разных отраслей промышленности. В ведении Магнитостроя числилось 40 тыс. чел. Среди спецпереселенцев в Магнитогорске преобладали сосланные кулаки (50,4 %), из которых 32,8 % составляли так называемые середняки, остальные (67,2 %) были зажиточные[33]. Все выселенные кулаки были лишены избирательных прав, восстановление которых проходило постепенно. Среди спецпереселенцев было значительное число верующих[34] и даже непосредственно священнослужители. Так, американский рабочий Дж. Скотт писал:

> Однажды, возвращаясь домой с работы, я стал свидетелем любопытной сценки — передо мной была бригада, состоявшая из сорока или пятидесяти священников православной церкви, одетых в грязные, изодранные черные рясы. У всех были длинные волосы, у некоторых даже до пояса. Они упорно работали заступами и лопатами, срывая небольшой холмик. Курносый деревенский парень сидел неподалеку на бугорке, положив на колени старую винтовку, и безмятежно наблюдал за ними. Я спросил одного из священников, за что он здесь, но он даже не ответил мне[35].

30. Там же. Л. 44.

31. ГАСО. Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 867. Л. 2, 8.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 157.

32. *Земсков В. Н.* Указ соч. С. 122.

33. МУ МГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

34. Воспоминания Л. Г. Чернопятовой, О. В. Быстровой и др.

35. *Скотт Дж.* За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. Свердловск, М.: Издательство Московского университета, Издательство Уральского университета, 1991. С. 105.

Воспоминания американца подтверждают данные архивов. В Магнитогорске были священнослужители, которые тайно проводили религиозные обряды. Так, отец Димитрий (Д. И. Герасенко) со своей семьей жил в Магнитогорске не регистрируясь официально, освоил мирские профессии, но тайно по просьбам местных жителей проводил обряды крещения, венчания и отпевания[36]. В магнитогорской исправительно-трудовой колонии отбывали заключение священнослужители различных конфессий. В частности, в городе отбывал ссылку с 1930 по 1937 гг. имам-хатыб из с. Большая Цильна Буденовского района Татарской АССР Лутфулла Туктамышев. В 1937 г. его приговорили к 6 месяцам исправительно-трудовых работ, а затем расстреляли[37].

Однако, на наш взгляд, сохранение религиозности в повседневной жизни магнитогорцев зависело не только от социальной или половой принадлежности. Существенное влияние оказывали общая духовная культура человека, традиции, существовавшие в конкретной семье, уровень грамотности, социальное происхождение. Потомственные рабочие легче отказывались от религиозных обычаев, чем недавние крестьяне. Большинство выходцев из деревни в первые месяцы пребывания на Магнитострое продолжали носить нательные кресты:

> Иногда можно было увидеть как крестьянин, только что приехавший из деревни, осеняет себя по старой привычке крестом; в бане время от времени можно было встретить пожилого мужчину с крестиком, висевшим у него на шее на шнурке[38].

Таким образом, социальный и половозрастной состав населения Магнитогорска мог как способствовать искоренению религиозности в городе, так и противодействовать ему. Кроме того, необходимо учитывать тот религиозный субстрат, который существовал на месте строительства Магнитки до его начала.

На территории Южного Урала существовало 663 старообрядческих и 657 православных церквей, 135 мечетей и 424 часовни[39].

36. *Старикова Г.И.* Время войне и время миру//Наследие. Магнитогорск, 2012. С. 55.

37. *Миннулин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). Казань: Издательство Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 131.

38. *Скотт Дж.* За Уралом. С. 238.

39. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4414. Л. 49-50.

Большинство из них были закрыты и разрушены. В Челябинской области были уничтожены Христорождественский собор (построен в 1767 г.), Казанско-Богородицкий храм (1793), римско-католический костел (1914) в Челябинске, в Златоусте взорвали собор трех святителей, в Миасе была уничтожена центральная церковь апостолов Петра и Павла (1815) и т. д. Массовое закрытие храмов являлось одним из печальных результатов массированного давления на церковь. Игнорируя историю и культуру народов, их традиции, идеологическая борьба с религией подменялась борьбой с ее носителями и атрибутикой. Ликвидация церквей выставлялась как важный показатель падения религиозности.

В районе города Магнитогорска не было значимых с точки зрения культурной ценности церквей, но вокруг города на расстоянии 26–30 км. были деревни с небольшими церквями. Хотя в Магнитогорске церквей не было, и власти рассматривали это как возможность формирования атеистической повседневности среди горожан, сами магнитогорцы продолжали посещать церковь. В станице Магнитной[40], основанной в 1743 г., преобладало православное население, было несколько семей мусульман, а также семьи староверов[41]. В январе 1930 г. церковь станицы и часовня были закрыты, а вскоре в связи с вводом в эксплуатацию второй плотины затоплены. Верующие начали посещать церковь в поселке Наваринский, который располагался в 26 км. от города. В воспоминаниях организатора культурно-массовой работы в Магнитогорске Колбина отмечается, что некоторые горожане венчались и крестили детей[42]. Естественно, что подобные религиозные действа не получили в Магнитогорске массового распространения. Если обряды крещения и венчания удалось искоренить в большей степени, то похороны, по свидетельствам очевидцев, проводились строго в соответствии с церковными традициями[43].

Похороны считаются одним из самых консервативных обрядов. Это подтверждают и некоторые источники по истории Магнитогорска. В частности, семейная фотография, на которой запе-

40. Поселок Магнитный находился в непосредственной близости от строящегося города. В настоящее время город занимает территорию поселка. Церковь был затоплена в 1931 г.

41. ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5262. Л. 45-52.

42. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 309. Л. 44-45.

43. Воспоминания Л. Г. Чернопятовой, 1937 г.р., записано Макаровой Н. Н. в 2008 г.

чатлены похороны Василия Скворцова. На ней видно, что в руку умершего вложена бумага с молитвой (один из обязательных элементов христианских похорон)[44]. По замечанию исследователя О. Р. Николаева, «с 1920–1930-х годов похоронные фотографии все чаще появляются в альбомах простых людей, хотя масштабы их распространения сдерживаются...»[45]. Действительно возможности запечатлеть тот или иной момент жизни на фотографии в указанное время было сложно, прежде всего, по причине отсутствия профессиональных фотографов, технических сложностей, тотального дефицита и т. д. Ответить на вопрос, почему именно на рубеже 1920–1930-х гг. население стремится сохранить момент похорон на фотографии однозначно нельзя. Однако можно предположить, что в условиях слома традиционной культуры и обрядовой парадигмы, когда особое внимание приковывалось к новым советским похоронам (например, похороны пионера, коммуниста и т. п.), рядовые горожане стремились сохранить не только в памяти, но и на фотографии важные моменты семейной истории. Жанр похоронной фотографии возник как способ сохранения традиции в условиях угрозы разрушения традиционной обрядности. Это наблюдение подтверждают воспоминания поэтессы Н. Г. Кондратковской, в которых автор подробно описывает похороны своей матери:

> Мария Алексеевна завешивает зеркальце на шифоньере пеленкой, потом командует, и я все делаю, что она говорит... Вот головку помоем, вот плечики... Глазки мы по обряду пяточками приложим... Наволочку надо стружкой набить... А перо и пух нельзя, только стружку... Обуть надо непременно. Хорошо серенькие тапочки. И в гробу тоже... И я, забыв давно, как это делается, крещу лоб... А Мария Алексеевна уже привела старушек, они что-то читают... Я им и Марии Алексеевне раздала все ситцевые отрезы и мамины полотенца на помин[46].

44. Архив Рубан Ю. Фотография. Похороны В. Скворцова. 1935 г. В процессе работы нами собрана серия подобных фотографий.

45. *Николаев О. Р.* Традиционные формы крестьянской культуры на сломе эпох: «похоронили хорошо» (к вопросу о фотографиях похорон)//Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2. С. 360.

46. *Кондратковская Н. Г.* «Ах, если бы еще одну мне жизнь»: автобиографические рассказы. Философская проза. Воспоминания. Белорецк: ОНИКС, 2006. С. 121–124.

Воспоминания старожилов города и иные источники личного происхождения указывают на то, что в Магнитогорске произошло переплетение традиционной обрядности с новыми советскими нормами. По тексту Н. Г. Кондратковской не сложно заметить, что наряду с обрядовыми действиями необходимо было строго соблюсти все нормы советского законодательства:

> Я уже опомнилась, беру мамин паспорт, надо идти за доктором на Ежовку[47], брать справку, потом сдавать паспорт в НКВД, потом в ЗАГС, это рядом. И заказать гроб, место на кладбище, платить за могилу... День был занят хлопотами. Муж заказывал гроб, некрашенный, протравленный в коричневый цвет. Шофер, освободившись после обеда, привез гроб. Врач дала мне справку заочно, она знала, что мама при смерти. Паспорт взяли сразу, не задержали, и в ЗАГСе — молодожены уступили мне очередь... Со свидетельством о смерти муж поехал заказывать могилу. Мария Алексеевна готовила обед... Провожали мы маму четверо: я, муж, Юрка и шофер. Приехали на кладбище уже в потемках, там освещения никакого не было. С фонариком нашли могилу. Мужчины сняли гроб, крышку, поехали за лопатами, ломиками, начали делать надпись. На кладбище ни души — в такую пору никто не хоронит[48].

В целом религиозные практики в Магнитогорске отражали наиболее устойчивые представления населения о религиозной жизни. Учитывая, что церквей в городе не было, верующие магнитогорцы посещали близлежащие церкви в селах или устраивали «молельные дома» в землянках, а затем в своих квартирах. Так, баптисты г. Шевчук, Сапиок, Салепко, Вогинков регулярно проводили в своих жилищах молитвенные собрания. В бараках проводить религиозные мероприятия было сложнее — слишком много было посторонних глаз. При этом говорить, что землянка было устроена особым образом нельзя — фактических возможностей у населения для создания религиозного пространства не было. Чаще все горожане ограничивались укреплением икон в так называемом красном углу.

Мусульманское население города, по свидетельствам культработника Колбина и по воспоминаниям старожилов Магнитогорска, не нуждалось в церквях, «они молились прямо на улице,

47. Ежовка — название поселка на территории Магнитогорска.

48. *Кондратковская Н. Г.* «Ах, если бы еще одну мне жизнь». С. 121–124.

на земле»[49]. В Магнитогорске в среде мусульман были избраны муллы, которые совершали необходимые обряды. Чтение священных книг (Библия, Коран и т. п.) было малодоступной религиозной практикой. С одной стороны, это было обусловлено отсутствием возможностей читать религиозную литературу (соседи, отсутствие освещения, нехватка свободного времени и т. п.), с другой стороны — в городе сами книги были а дефиците. В библиотеках города подобная литература была запрещена, а в частном порядке привезти книги было сложно. Все вновь прибывавшие в город проходили изоляционно-пропускной пункт, в котором и люди, и их вещи проходили санобработку. Следовательно, можно предположить, что если у рабочих и были какие-нибудь книги, их изымали.

Соблюдение постов как одна из важнейших религиозных практик в условиях латентного голода также было крайне затруднительно. Однако по большим праздникам, таким как Пасха или Ураза Байрам, горожане готовили традиционную пищу[50]. Даже обряд захоронения было невозможно соблюдать в первые годы строительства, т. к. вплоть до 1932 г. в Магнитогорске не было кладбища. Захоронения производили в общих могилах, не устанавливая ни памятников, ни тем более крестов.

В рассматриваемый период в Магнитогорске активно велась борьба с религиозным сознанием населения[51]. Духовное и культурное влияние религии на широкие массы не согласовывалось с планами властей, поэтому одну из важнейших задач большевики видели в изменении старой системы ценностей, сконцентрированной в значительной мере в религиозном вероучении. Наибольшую разрушающую силу в борьбе с религиозным сознанием населения имело советское образование, которое строилось на основе марксистской идеологии. Ее постулаты наиболее активно усваивались молодежью, преобладающей в городе.

ГорОНО требовал от коллективов школ города «усилить антирелигиозное воспитание детей и их родителей»[52], «учебный программный антирелигиозный материал использовать шире

49. Воспоминания Л. Г. Чернопятовой, 1937 г.р., записано Макаровой Н. Н. в 2008 г.; ГАРФ. 7952. Оп. 5. Д. 309. Л. 37–39.

50. Воспоминания Быстровой О.В., 1927 г.р., записано Макаровой Н. Н. в 2008 г.

51. Культура и быт. 1932. № 8. С. 11.

52. МУ МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 9. Л. 107.

и регулярнее»[53]. Отмечалось, что антирелигиозная пропаганда и научно-просветительская работа ведутся не столь активно, как того требуют «потребности масс»[54]. В частности, по Уралу в 1932 г. из 736 низовых профсоюзных организаций антирелигиозные кружки имелись только в 34, т. е. в 4,5 %[55]. Ситуация на новостройках, по мнению руководства ВЦСПС, требовала особого внимания. Именно поэтому на новостройки, в том числе и в Магнитогорск, направили «40 антирелигиозников для развертывания массовой антирелигиозной пропаганды...»[56].

Отношение к религии часто разделяло в семье родителей и детей. Последние под воздействием школы отказывались от религиозного мировоззрения, что в свою очередь порождало конфликты с родителями. Судя по официальной статистике, на Урале в 1917–1921 гг. 90 % всех браков в рабочей среде были церковными, в 1934–1935 гг. это число сократилось до 2,4[57]. Однако разнообразные источники свидетельствуют и об иной тенденции: многие горожане, даже молодежь и дети, нелегко отказывались от веры. Процесс секуляризации быта охватил значительную часть населения страны и Магнитогорска, но следует отметить, что значительная часть магнитогорцев продолжала активно участвовать в религиозной жизни. Исполнение религиозных обрядов по-прежнему считалось одной из обязательных черт жизни. Трансляция религиозных ценностей и взглядов в семье не прекратилась, несмотря на антирелигиозную позицию государства[58].

Антирелигиозная работа была одним из основных и постоянных направлений деятельности комсомольских и партийных организаций. Последние очень часто действовали не считаясь с чувствами верующих, что в свою очередь вызывало недовольство, а в некоторых случаях протест. Так, в Магнитогорске были случаи физической расправы с антирелигиозниками, которые приходили в барак для пропаганды атеистического мировоззрения[59].

53. Там же. Л. 106.

54. Культфронт Урала на подъеме/под ред . И.А. Переля. М., Свердловск: УралОГИЗ,1932. С. 35.

55. Там же.

56. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 3.

57. *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик. С. 257.

58. *Исаев В.И.* Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2003. С. 220.

59. Воспоминания А.И. Чесноковой, 1924 г.р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

Организацией, призванной нести в массы идеи атеизма, являлся «Союз воинствующих безбожников». В Магнитогорске он проводил активную работу. В частности, организовывались антирелигиозные вечера коллективов цехов металлургического комбината, на которых религия подавалась слушателям как «кровавый кошмар в истории человечества», а главной задачей участников вечера было рассказать о том, как он стал безбожником[60]. В программу «СВБ» включались также беседы на следующие темы: «Можно ли верить Библии», «Учит ли добру священное писание», «Классовое содержание учения и классовая политика церкви», проводились инсценировки, озвучивался историко-революционный материал, собирали средства на строительство танка «Безбожник», подводной лодки «Воинствующий безбожник», самолета «Уральский безбожник» и т. п.[61] Активная работа магнитогорского «Союза воинствующих безбожников» была одобрена на заседание президиума Уралоблсовета 29 ноября 1931 г. Опыт магнитогорских безбожников рекомендовали распространить на Кузнецкстрое и по всему Уралу[62].

При анализе значительного массива источников, а именно воспоминаний магнитогорцев об их отказе от религии, следует отметить несколько типичных сюжетов. Среди причин, которые толкнули отказаться от веры в Бога и религии вообще, были, во-первых, чтение соответствующей литературы и понимание того, что «религия затуманивает мозги»[63]. Рабочий Магнитостроя Паренченко на вечере, посвященном антирелигиозной работе в городе, рассказал свою историю:

> В своем выступлении я хочу отметить, что до 1915 г. я сам искренне верил в бога. Начиная с 1915 г. я стал читать много книг по антирелигиозным вопросам и действительно убедился в том, что религия затуманивает мозги человека и не дает ему возможности мыслить[64].

Во-вторых, отсутствие ожидаемого чуда. Например, публичное вскрытие мощей, в которых оказывались воск, уголь, шелк, кости и т. д., а не нетленное тело святого или отсутствие чудотворной

60. ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 113. Л. 27.

61. МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 20. Л. 124.

62. Там же.

63. Там же.

64. Там же. Л. 6.

силы икон, или карающей руки Господней за расстрел священнослужителей, осквернение предметов культа и т. п. Так, рабочий Волков вспоминал о вскрытии мощей святого Василия[65]:

> Я присутствовал при раскрытии мощей Василия... Фактически в писании сказано, что мощи — это есть нетленное тело, однако, когда научная комиссия из Москвы вскрыла могилу, она ничего не могла найти кроме двух костей, ремня и пучка волос. Самого Василия там не было. Все эти факты настоящим образом убедили меня в том, что бога нет, и я уверен, что иду по правильному пути, отвергая бога и всякую чушь, проповедуемую агентами буржуазии — попами[66].

Рабочий Щипцов убедился в том, что Бога нет еще во время участия в Первой мировой и в Гражданской войне: «Как бы рядовой солдат не молился, как бы не веровал в бога, он своей участи не избегал». В-третьих, неблаговидное поведение духовенства (несоблюдение постов, бранная речь, побои в отношении женщин и детей). Рабочий Магнитостроя Волков рассказал о том, как во время службы на Балфлоте, он слышал от экономки знаменитого Иоанна Кронштадтского о «проделках этого святого». Последний, по его словам, собирал с прихожан огромные деньги за якобы исцеление иконой, постов не соблюдал совершенно, «затем выкинул еще один номер. Ему понравилась одна из богомолок, красивая женщина. Он ее использовал по своим надобностям»[67].

Религиозная обрядность прочно вошла в повседневную жизнь населения, она исполнялась веками. Именно поэтому большевики предлагали альтернативную атрибутику, предпринимали попытки внедрить новую советскую обрядность в жизнь. В частности, в Магнитогорске проводили «красную пасху» и «красные крестины». Процедура проведения таких торжеств уже описана в научной литературе и даже прекрасно проиллюстрирована в кинематографе[68]. Однако организация подобного торжества по поводу рождения каждого ребенка была невозможна, поэтому рождение ребенка регистрировалось в ЗАГСе, после чего некоторая часть горожан крестили детей в церкви. Все это поро-

65. В источнике не ясно, о каком именно святом идет речь.

66. ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д.113. Л. 11.

67. ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 113. Л. 7.

68. Х/ф «Собачье сердце». Сцена красных крестин.

ждало некую двойную обрядность: исполняя и внешне принимая светские обряды, которые предлагались властями, населения параллельно совершало и традиционные религиозно окрашенные мероприятия.

Одним из основных способов воздействия на быт горожан стало внедрение новых советских праздников и памятных дат. Зачастую новые праздники специально приурочивали к традиционным религиозным праздникам и противопоставляли последним. Широко известно, что гонениям подверглось празднование нового года и Рождества, однако, население упорно продолжало отмечать новогодние и рождественские праздники. В результате в канун нового года решено было праздновать День ударника. В Магнитогорске этот праздник проходил с особым размахом. Празднование Дня ударника в городе начали отмечать с 1933 г. Официально целью этого праздника в 1934 г. объявлялась «проверка состояния социалистического соревнования и ударничества, вовлечение новых рабочих... в ряды соревнующихся»[69]. Фактически горожане праздновали наступление нового 1935 г. В праздничные дни были организованы собрания рабочих, премировали ударников, заслушивали приветственные речи. К празднованию Дня ударника были приурочены открытие зимнего катка и лыжных станций, организация зимних физкультурных праздников. В канун Рождества в городе устраивали массовые «лыжные вылазки»[70], однако, спортивные мероприятия не мешали горожанам отмечать Рождество в семейном кругу. Респондент О. В. Быстрова рассказывает, что они с родителями всегда отмечали Рождество[71]. Власти города для борьбы с религиозной традицией проводили в течение января собрания актива безбожников, который занимался организацией антирождественских мероприятий[72].

Городские власти боролись за рождение новых традиций в Магнитогорске, в частности, прививали населению города культуру празднования первомайских праздников. В театрах, клубах и кинотеатрах Магнитогорска представлялись праздничные программы: в 1934 г. 2 мая был объявлен днем отдыха рабочих — ударников и изотовцев, для которых была организована специ-

69. Магнитогорский рабочий. 1934. 27 декабря.

70. Магнитогорский рабочий. 1933. 29 декабря.

71. Воспоминания О. В. Быстровой, 1927 г.р., записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.

72. Магнитогорский рабочий. 1934. 28 декабря.

альная праздничная программа. На улицах и площадях города играли оркестры, хоры исполняли патриотические песни («Песня о Сталине», «Походная»); по радио транслировали цикл передач, посвященных 1 мая — дню международной пролетарской солидарности[73]. Кульминацией праздничных мероприятий являлась торжественная демонстрация. Историк С. Ю. Малышева отмечает «готовность и почти маниакальное стремление населения праздновать в самые неподходящие, казалось бы, времена»[74].

Естественно, отрицать рекреационное воздействие праздников на эмоциональное состояние человека нельзя, однако, утверждать о «маниакальном стремлении» горожан через праздник избавляться от переполнявших эмоций, по нашему мнению, преждевременно. В частности, население города неоднозначно оценивало празднование 1 мая. Выходные дни воспринимались горожанами воодушевленно, а обязательное участие в демонстрации часто вызывало недовольство. Респондент А. И. Чеснокова вспоминает, что в основном женщины не хотели тратить время на демонстрации, потому что «дома всегда было много дел»[75]. Архивные данные свидетельствуют о том, что и среди мужчин находились противники демонстраций. В каждом конкретном случае у человека находилась своя причина. Случались и массовые отказы участвовать в праздничном шествии. Так, вечером 30 апреля и утром 1 мая 1932 г. жильцы барака № 11 остались без воды и отказались участвовать в демонстрации: «Давайте сначала воды умыться, да чаю напиться, а потом на демонстрацию зовите!»[76].

В целом магнитогорцы, как и население страны, настроенные лояльно по отношению к советским праздникам не связывали отказ от религиозных праздников с введением новых, советских. Горожане адаптировали новые советские праздники в своем сознании, сравнивая их с прежними, религиозными. Возможно, поэтому, респондент Т. К. Пацина отметила, что ее мать всегда говорила: «Хороший был праздник, как Пасха»[77].

73. Магнитогорский рабочий. 1934. 29 апреля.

74. *Малышева С. Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). Казань: Рутен, 2005. С. 19.

75. Воспоминания А. И. Чесноковой, 1924 г.р., записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.

76. ОГАЧО. Ф. П-783. Оп. 1. Д. 12. Л. 83.

77. Воспоминания Т. К. Пацины 1946 г.р., записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.

Итак, в новом индустриальном центре — Магнитогорске горожане продолжали совершать культовые действия не столько вопреки запретам со стороны властей, но чаще по привычке, не придавая особого религиозного характера своим действиям, опираясь, прежде всего, на многовековые традиции. Наличие на территории города пестрого этно-конфессионального состава консервировало религиозные традиции. В целом антирелигиозная политика в 1930-е гг. сыграла решающую роль в уничтожении религиозного сознания населения, духовенства и духовных организаций. Существование религии в обществе поддерживалось лишь на уровне некоторых обрядов. Новый образ жизни, привычки населения, сменный график работы, строгий контроль привели к тому, что религия стала уделом стариков, а молодежи и людям среднего возраста верить было просто неприлично. Со второй половины 1930-х гг. в архивных материалах практически отсутствуют сведения о работе «Союза воинствующих безбожников» в Магнитогорске, о сохранении религии в городе, об организации подпольных молебнов и проч. Думается, что подобная ситуация не была случайной. Религиозность населения и города определялись по чисто внешним признакам: наличие церквей и часовен, совершение религиозных обрядов, внешней атрибутики. Подобный подход обеспечивал сравнительно спокойное существование верующим в городе, которые сохраняли внутреннюю религиозность или исповедовали внецерковные исповедания. Отсутствие церквей в городе — «флагмане социалистической индустриализации» и образце нового «социалистического общежития» — оставляло Магнитогорск вне поля зрения партийных и советских органов, ответственных за антирелигиозную пропаганду, и потому, в некотором смысле, делало сохранявшиеся в нем религиозные практики — неуязвимыми.

Библиография

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. Р-5451 (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов).

Ф. Р-7952 (Государственное издательство «История фабрик и заводов» при объединении государственных издательств).

МУ Магнитогорский Городской архив (МУ МГА).

Ф. 9 (Горплан).

Ф. 10 (Магнитогорский городской совет народных депутатов).

Ф. 12 (Магнитогорский городской отдел народного образования).

Ф. 16 (Магнитогорский городской плановый комитет).

Ф. 46 (Магнитогорская городская прокуратура).

Ф. 121 (Магнитогорский городской отдел здравоохранения).

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).

Ф. 234 (Магнитогорский горком).

Ф. 274 (Красноармейский районный Совет профессиональных союзов, с. Миасское).

Ф. 783 (Городские контрольные комиссии ВКП(б) – РКИ).

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).

Ф. 173 (Оренбургская духовная консистория).

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. Р-255 (Отдел внешней и внутренней торговли исполнительного комитета Уральского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

Ф. 4 (Челябинский областной комитет ВКП(б)).

Личный архив Ю. Рубан. Фотография похорон В. Скворцова, 1935 г.

Интервью

О. В. Быстровой (2008 г.).

Т. К. Пацины (2008 г.).

Л. Г. Чернопятовой (2008 г.).

А. И. Чесноковой (2008 г.).

Периодические издания

Культура и быт. 1932. № 8.

Магнитогорский рабочий. 1933–1939 гг.

За нового человека. 1934. 16 января.

Литература

Говард Э. Города будущего. СПб, 1911.

Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

Зверев А. На стройке гиганта. М., 1931.

Исаев В. И. Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2003.

Кондратковская Н. Г. «Ах, если бы еще одну мне жизнь»: Автобиографические рассказы. Философская проза. Воспоминания. Белорецк: ОНИКС, 2006.

Культфронт Урала на подъеме/под ред. И. А. Переля. М., Свердловск: УралОГИЗ, 1932.

Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005.

Милютин Н. Борьба за новый быт и советский урбанизм//Города социализма и социалистическая реконструкция быта. М., 1930. С. 34-57.

Миннуллин И.Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). Казань: Издательство Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006.

Николаев О.Р. Традиционные формы крестьянской культуры на сломе эпох: «похоронили хорошо» (к вопросу о фотографиях похорон)//Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2. С. 356-364.

Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих. М., 2009.

Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М., Свердловск, 1991.

Старикова г.И. Время войне и время миру//Наследие. Магнитогорск, 2012. С. 54-58

СССР – страна социализма. М.: ЦСУ, 1936. Архивные материалы